

**Татьяна Васильевна Сенькевич**

канд. филол. наук, доц., доц. каф. белорусского и русского литературоведения и журналистики  
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

**Tatiana Sienkevich**

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor  
of the Department of the Department of Belarusian and Russian Literary Studies and Journalism  
of Brest State A. S. Pushkin University  
e-mail: literas2006@mail.ru

## ПРАЗДНИКИ ЛЕТНЕГО ЦИКЛА В ТЕКСТЕ И КОНТЕКСТЕ УСТНОГО ЖЕНСКОГО РАССКАЗА БРЕСТЧИНЫ

*Рассматриваются обряды и обычаи праздников летнего цикла (Троица, Зеленые святки, Яблочный Спас, Медовый Спас, Илья), которые представлены в устных женских рассказах Брестчины. Определены характерные для фольклора художественные средства и приемы, используемые нарраторами. Выявлены важные составляющие исследованных коммеморативных практик, мемуаров и фабулатов. Показана богатая образная система, в которой различные образы дифференцированы по способу создания или типу ассоциирования, по предмету изображения. Через текст и контекст (горизонтальный и вертикальный) выявляется ярко выраженное индивидуальное восприятие информантов, творческое начало в интерпретации ими фрагментов праздников летнего цикла, что свидетельствует об их способности образно, аналитически мыслить, следовать традиционному и воспринимать современные реалии.*

**Ключевые слова:** устный женский рассказ, нарратор, коммеморативная практика, мемуар, фабулат, имплицитно, эксплицитно.

### *Summer Cycle Holidays in the Text and Context of the Oral Women's Story of Brest Region*

*The rituals and customs of the summer cycle holidays (Trinity, Green Yuletide, Apple Savior, Honey Savior, Ilya), which are presented in the oral women's stories of Brest region, are considered. The artistic means and techniques characteristic of folklore used by narrators are determined. The important components of the studied commemorative practices, memoirs and fabulata are revealed. A rich imaginative system is shown in which various images are differentiated by the method of creation or type of association, by the subject of the image. Through the text and context (horizontal and vertical), a pronounced individual perception of the informants is revealed, as well as creativity in their interpretation of fragments of the summer cycle holidays, which indicates their ability to think figuratively, analytically, follow the traditional and perceive the realities of modernity.*

**Key words:** oral women's story, narrator, commemorative practice, memoir, plot, implicit, explicit.

#### **Введение**

Устный рассказ занимает важное место в фольклоре, особенно активно он проявляется в последние десятилетия, что объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами: все более пристальное внимание уделяется различным жанрам устного народного творчества; семантика этих произведений многопланова, в отличие от песни (как одного из наиболее популярных фольклорных жанров) они психологически, эмоционально более богаты и информативны.

Исследование особенностей экспликации летних календарных обрядов и обычаев закономерно и объяснимо, поскольку позволяет определить и выявить механизмы их закрепления в народном сознании, а также способы и средства воплощения в уст-

ном женском нарративе Брестчины. К проблеме устного рассказа ученые впервые обратились в 1930-е гг. (например, Ю. М. Соколов [1]).

Мы разделяем позиций А. М. Астаховой [2] и В. Е. Гусева [3], которые считают устный рассказ одним из жанров фольклора. Актуальность исследования заключается в том, что возникла острая необходимость изучения данного жанра в гендерном аспекте, выявления особенностей интерпретации различных сфер жизнедеятельности человека через призму исторического прошлого и современности.

Цель статьи – исследование обрядов и обычаев праздников летнего цикла в устных женских рассказах Брестчины.

Для достижения данной цели были реализованы следующие задачи:

1) эксплицировать смысловое пространство обрядов и обычаев летнего цикла в женских нарративах Брестчины;

2) рассмотреть обряды и обычаи праздников летнего календаря с позиции исторической памяти, современной трансформации в контексте гендерного дискурса;

3) охарактеризовать способы, средства и приемы художественного воплощения обрядов и обычаев анализируемого периода.

Эмпирическую базу исследования составили материалы фольклорной и диалектологической практик обучающихся Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, а также архив студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклористика и краеведение» БрГУ имени А. С. Пушкина. В примерах сохранена орфография записей.

### Основная часть

Троица – один из важных христианских праздников, завершение пасхального цикла, входит в 12 самых важных праздников в году. Языческий праздник – Зеленые святки (отмечался в конце мая) – это почитание растений, благоговение перед ними. В православии украшение дома, подворья растениями (ветки березы, клена, чабрец, полынь, аир и др.) в преддверии Троицы считалось обязательным: «На Троицу упрыгожвалі хату клёнам, ліпай» (Н. И. Недамовская, 1957 г. р., д. Орхово Брестского р-на). Об этой традиции говорит и Н. А. Михеевич, 1939 г. р. (д. Скибичи Дрогичинского р-на): «І Трійця празнавалася тры дня. У хаты должны булы буты вэточкы клёна, а по дворі роскыдався ярыў. На каждый дзень свята був свій обычай. Основный – гэто врожба молодых дэвчэт». Фактически так же отмечают Троицу и в Кобринском р-не. О. В. Степанюк, 1983 г. р. (г. Кобрин), указывает, что весь период от Пасхи Христовой до Троицы принято приветствовать друг друга «Христос воскрес» (и священник так обращается к прихожанам в церкви). В ее рассказе упоминается и дуб: «Все дома хто дубом, хто берёзой за крышу ложили, возле порога привязывали и плашником посыпали дворы, ну типа кидали на дорожки... Положено было это делать».

Устный нарратив Н. А. Казберович, 1962 г. р. (г. Пружаны), отличает наличие деталей, четкое представление о символике, обрядах, связанных с Троицей и предшествующими ей церковными и народными традициями: «В четверг сёмуха»; «В субботу была радзіцельская троіцкая памінальная субота. Радзіцелей паміналі всегда в суботу ішлі. Заказвалас малітва, паніхіда в цорквы, всегда эта ічыталас троіцкая радітельская субота, а уже в цэрквы убіралося всё в зелёнае». Информант в ходе рассказа трижды акцентирует внимание на зеленом цвете, символизирующем расцвет и торжество природы: «Троіца всегда в недзелю пападае, но а перед этим в четверг семуха, такі празнік есць, вот, ну это як бы зеленью. Дзевчата ішлі, із берёзак плелі венкі. Ну раньше в дзевне у нас то просто ручнікі былі, а шас вот уже в этой у нас цэрквы то каждому празніку саатветственно свій нарад. Вот на Троицу всё в зелёнае. В цорквы ставяць берёзкі, аір – это сімвал зелені, як бы вот сімвал жызні... Троіца ічытаецца як бы тры дня, но трэці дзень – это Святога Духа панедзельнік, а вторнік я не помню як там называецца. Таму шо вот Бог в трох ліцах: Ацец, Сын і Дух Святой. Вот этот празнік не празнуецца, он празнуецца як бы после Пасхі, потому шо Хрыстос перед Пасхою. Он васкрес уже на Пасху перед этим, ну а вот это іже сорок дней после, пісят даже дней. Піцідзесятніца называецца ешчэ інакі».

О традиции, существующей на Пинщине, рассказывает М. П. Щеголева, 72 лет (г. Пинск). Наряду с украшением дома, двора не забывали и о корове-кормилице: «И када коровы ішли на паішу, то всегда вже им венки делали, коровам. От хто пасвіу у этот день корову... венки сплетали и на рога вот так одевали коровам [показывает], и када коровы уже ідут с паіш... Они всегда с венками с такими ідут».

Л. Т. Бондарь, 1952 г. р. (д. Калилы Ивановского р-на), не знает про значение обряда, связанного с аиром (подсохший на пороге аир расстилали на грядках; считалось, что это спасало от мышей и кротов), но не отказывается от него, поскольку он является неотъемлемой составляющей семейной традиции: «– Раньше я яго клала, а теперь нет. – Куды клалі? – На огород. –

*А для чаго? – Я не знаю. Так мама рабіла, баба рабіла, і я так раблю».*

На праздничном столе, по признанию Л. М. Косюк, 1958 г. р. (д. Скоки Брестского р-на), были пироги с разной начинкой: маком, изюмом, творогом, яблочным повидлом: *«Мазурки вот эти вот делали, открытые пироги».* Но главное, что вынесено из детских воспоминаний, пироги были *«сладкие-сладкие».* Подобная сосредоточенность на праздничном угощении свойственна прежде всего детскому восприятию. Использование характерных для фольклора повторов только усиливает эмоциональность нарратора.

Р. В. Коленчук, 1955 г. р. (г. Высокое Каменецкого р-на), дает обобщенную характеристику Троицы, заключенную в одной фразе, в которой совмещается высокий, скорее художественный стиль (*«благородный церковный праздник»*) с официально-деловым (*«со всеми вытекающими последствиями»*). Нарратор объясняет необходимость украшения дома и подворья зелеными веточками (в ее случае это камыш – Т. С.) заботой о ближних: *«Носили в дом для того, чтобы дома никто не болел, все были здоровые, и вроде вот эти веточки, они приносили какую-то, какой-то обряд делалась, они приносили пользу».* Не менее важным, по словам Р. В. Коленчук, было накрыть богатый стол: *«Всегда накрывался стол тот, который человек при своем достатке может это все на стол... поставить, поэтому тут ограничений не было».* Правда, уточняет: *«Делалось то, что подвластно, и то, что едят те люди, которые находятся в данном этом округе, как говорится, кто приучен к какой еде. Если мы приучены к картофельной еде и к мясу, у нас вот такое было пириество мясное и картофельное, человек приучен к рису, там совсем идут другие предпочтения разных яств, поэтому у каждого свои традиции, у каждого свои уже есть определенные блюда приготовления».* Праздник сопровождался песнями: *«А на Троицу разные, все церковные песни, все, кто знал церковные песни, восхваляли господу Бога, восхваляли высшие силы и поклонялись, и пели песни».* Говорит информант и о примете, связанной с русалками: *«Они вроде как бы они в любви обильные, красивые, и они соблазняли молодых парней; парни боялись купаться в воде,*

*потому что, чтоб русалка не утянула в воду, и особенно в определенные дни, у нее были ритуальные дни у этих русалок, ну, в какой день можно плавать, а в какой нельзя; вот поэтому там тоже было, все уже человек знал, что в такое время, особенно второго числа на Илью, когда был Илья, это в августе, второго августа, люди уже не ходили купаться, потому что говорили: “В воде, может, черт сидит”».*

В устном нарративе Л. И. Михновец, 1958 г. р. (д. Войская Каменецкого р-на), приехавшей в 1988 г. из д. Белоуша Столинского р-на, содержатся детские воспоминания. Информант сосредоточивает внимание на уборке дома. Рассказ отличаются эмоциональность, душевность, теплота. Важным для ребенка было то, что подготовка к празднику принимала игровой характер, а также беззаботность и отсутствие домашней работы три праздничных дня: *«А вот ещё што было у нас на Столиничыне, можэт, если писалась эта, здесь этава не дзелаю. Есць такой в балоце расцёт такой аир, вот он пахожый на вот эци во лисця, тока он бальшой. Так вось этак аир мы рвали с корнем и... патом эци карэшки абрезали и абезацельна на Троицу мы все комнаты усцилалі им, и он должэн лежаць тры дня, нам так харашо было в децтва: тры дня дом не убираць, не месци палы, эта ш такая прелесь».* Обряд убранства дома отличался некоей таинственностью, загадочностью: *«А ещё ва входа у дверей абезацельна хадзили в лес и вырезали две берёски, две берёски ставили, а в окна затыкивали кленовые листочки».*

Для Л. И. Михновец важно и значимо возвращение на малую родину, обращение к христианской, семейной традиции: *«Между прочим я от сматрэла в аднакласниках нашу дзевяню аграгарадка Белауша, и там на Троицу заклад, как и у нас, праздник в дзевяне дзелаю и там вот на крыльцэ сельскава дома культуры вот эты берёски ставят до сих пор, и кагда от я заезжала дамой, я сама лишно хадзила ещё в то балота, рвала по-дзевянки у нас называли ребезник, но эта аир па-научнаму, этак аир я вырывала, атрезала и немножэчка хоть по так, так чувствалась такое дзевянка казалась».*

Е. М. Лешкевич, 1942 г. р. (приехала в г. Брест в 1972 г. из д. Малые Орлы Столинского р-на), в детстве пережила тяготы

и ужасы войны, делает акцент на угощении в праздник Троицы. Она невольно сравнивает современную действительность, когда доступен любой продукт, и послевоенное голодное время: *«Ну тогда, во-первых, люди жили бедно, и мы были подростками, очень ждали этого праздника, патаму што тагда пекли блины из муки, называлась эта мука, ой, как это я забыла, мука петлёвка, белая такая мука; это было для нас очень такой праздник радасный, патаму што не каждый дзень, как сэйчас, мы едим все, что нам хочэцца, тагда вот так»*. Из рассказа Е. М. Лешкевич следует, что для подростков самым ярким событием в праздновании Троицы было угощение; градус интереса постепенно снижается (об этом свидетельствует эмоциональный рисунок устного нарратива), и о развлекательной части праздника, когда подростки выступали в качестве наблюдателей, говорит она ровно, будто просто констатирует происходящее: *«Пели песни девчата и хлопцы, у меня сестра старше меня на дзесьць лет, вот они пели песни троецкие... потом были танцы»*.

Н. Н. Зиновьева, 1958 г. р. (д. Войская Каменецкого р-на), рассказывает об особой атмосфере, которая связана с Троицей: *«И Троица – эта для нас был праздник асобый тоже, такая как Пасха, вот. Для нас, для деревни для нашей»*. Троица стала своеобразным стимулом для объединения жителей деревни и тех, кто родом из этого села: *«Эта в этом году уже вазрадили, зделали праздник деревни на Троицу, и гаварят, шо очень (я не была, правда), шо очень красиво здесь правели, канцерты, все»*. Детские воспоминания звучат проникновенно, исполнены чувства радости, гордости, ощущения причастности к жизни одной большой семьи (родные, близкие, жители деревни, гости): *«А тагда, на Троицу, вот перед церкваю... Возле церкви была... как называеца цвинтар – эта места, бальшой двор такой возле церкви... туда са всех акружных деревень съезжались на павозках люди в гости»*.

Один из обрядов – приглашение и приезд гостей – служил своего рода маркером, показателем гостеприимства хозяев каждого дома, семьи: *«Каждый из дома каво-та приглашал, и была пазорам, если к каму-та, у каво-та в доме не будет гасцей, вот на этот праздник, панимаеце, патаму старались приглашать, штобы кто-та*

*приежал; и вот на... на падводах, как называли, на запряженных лошадах приежали, этот весь цвинтар уставлен был падводами, застилан... эти падводы все таржественные такие, на сене постелке эти саматканыя, засланы, такое аж все гарит там возле храма, так светится все... И на Троицу приежали люди и вот были все в церкви, тоже пречищались, а потом уже шли госци»*. С горечью информант признает утрату еще одного важного атрибута каждого дома в деревне, который в большинстве случаев уходит в прошлое: *«Возле каждого дома, теперь нигде возле дома не найдешь скамейки, были скамейки, и вот выхаживали все, все госци, каждого, кто приглашались... на скамейки, и вот пели песни, кто каго перепает, какие песни, ну, народные там, всякие, не то, шо там троецкие сугубо, вот, кто каго перепает»*. Сожаление Н. Н. Зиновьевой объяснимо: утрачивается общность, единение людей села, когда после тяжелого рабочего дня можно было собраться возле дома на скамейке, поговорить о насущном, обсудить последние новости «большого» и «малого» мира, вспомнить прошлое, односельчан.

Нарратив Р. А. Сацевич, 1959 г. р. (д. Пашуки Каменецкого р-на), о Яблочном Спасе отражает закрепленное в памяти ощущение праздника, воплощенное, в т. ч. в лакомстве – освященном яблоке: *«На Спас, это всю жизнь было, што обизательно яблоки святили, даже када у нас не было... не было тада церкви, да, еще наша бабушка брала нас, мы еще были вот такие, и брала нас, и мы хадили в Дмитровичи... И обизательно, там тако вже рыначек был, приежали на лошадах, там прадавали, ну, в первую очередь яблоки, там еще шо-та было. Ну, нам, канешна, было тока интересно побегать где-та там туда-сюда, ну, хадили, захадили мы в церкву, и... свинцонае яблоки. И вот это всю жизнь и до сегодняшнево дня, обизательно, вот яблоки свинцонные»*. Спустя годы воспоминания информанта сохранили живописность, яркость картин и сельской жизни: церковь, приехавшие на «рыночек» люди, встречи со сверстниками, детские игры и, как завершение, – «яблоки свинцонные». Символ праздника – яблоки – в небольшом устном рассказе звучит четыре раза, что подтверждает эмоционально-

психологическую связь с семьей, детством, родными местами.

К сожалению, устных нарративов о других праздниках летнего цикла (Петра и Павла, Илья, Спас) ничтожно мало. Как правило, эти праздники в устных женских рассказах Брестчины отражены в поверьях. Так, Н. А. Козбирович, 1962 г. р. (г. Пружаны), приводит в качестве примера такую примету: *«Патом ідѣт празнік Петра і Павла. Ну перед Петром і Павлом тоже там пост есць, Петров пост называеца. Ну, еслі кукушка на Петра ічыталася і на Павла кукуе, то ічытаеца, паследні раз уже в гаду як бы, а еслі ешэ после Петра і Павла кукушка кукуе, значыца, будэ осень такая цѣпая, зацяжная. А еслі вже после Петра і Павла кукушка не кукуе, значит, эта вже будэ ранняя осень, зіма прыдэ рана»*.

Л. И. Товпик, 1958 г. р. (д. Шилин Березовского р-на), рассказывает о празднике Ильин день: *«Ну, в нашей местности ічыталася это праздник грома и молнии, побелоруску Перуну; в ыты праздник забаранялася косить, жать, потому шо и всегда обязательно прыходзіу дождь, и без молнии грома николи не обходилось, поэтому люди старались не загатавливать ни сена, ничего, потому шо могла папасть молния туда, и всё згорет или замочить водою»; «Да Ильи всегда старались хозяйки, которые садили огороды, выбрать уже цыбулю, потому шо уже после Ильи уже она могла подмокнуть, загнить, то в основном такое вот было, шо до Ильи обязательно надо убрать цыбулю»*. Ильин день отмечали в ее деревне, а в церкви *«обязательно служба, обязательно»*. Знает она и приметы, связанные с этим праздником: *«Ну обычно все так говорили: “Прышоу Илля – нарабіў гнілья”»*.

Церковный праздник Спас «прописался» в августе. О Медовом Спасе вышеупомянутая информант Л. И. Товпик повествует: в церковь жители деревни *«носили мѣд и зѣлки»*; обязательным считалось всем попробовать мед, *«на Макавея прыносили до дому, каждому одному давали попробовать этой водички»* (освященной – Т. С.). Считалось, что особую силу после освящения в храме приобретали мак и собранные лекарственные травы: *«Ну мак освечаны э светили потом э, ну у таких рытуалах, шо б нэ боялися люди, подкурвали людей,*

*шоб люди не боялися грому, страху»; «маком осыпали хату, шоб не заводіуса нияки домовы»; «ну, в основном тако собирали лекавыя расліны и держали их, ну, пры болезнях давали людям, заварвали чаёк»*.

Известным и широко отмечаемым и на селе, и в городе, безусловно, является Яблочный Спас. Это подтверждает и информант Л. И. Товпик: *«Да Другого Спаса ну старались освещать... в основном ічытаеца, шо надо освещать яблоки»; «ну люди всё светили: и грушы, и сливы, и виноград, если уже поспевау светили»*.

С Яблочным Спасом было связано поверье, что *«говорыли, шо э особенно нельзя было ести тым жэніцынам, у которых помиралі дэти»; «вот тым жанчынам забаранялося ести до... покуда не освещица яблычко»*. В Березовском р-не, по признанию Л. И. Товпик, не было обычая после освящения яблока в церкви нести его на могилы родных.

А вот Третий (Ореховый, Хлебный) Спас, как отмечает Л. И. Товпик, не праздновали так широко, масштабно: *«У нас в основном праздновался Медовы Спас и Спас Яблочны»*.

### Заклучение

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о коллективной практике, опыте, традиции, которые передаются из поколения в поколение. В то же время нельзя игнорировать и индивидуальную память, особенности мировосприятия, психологии нарратора, характер ретроспекции, проявляющиеся скорее имплицитно, нежели эксплицитно.

Праздники летнего цикла, безусловно, отражают и фиксируют изменения в природе, ее преображение, торжество солнца, ярких красок. Потому в антиномии «жизнь – смерть» превосходство одерживает категория «жизнь».

В праздниках летнего цикла есть немало перекличек с весенним циклом, прежде всего с Масленицей, Пасхой Христовой, эмоциональным эпицентром которых становятся радость и веселье. Можно говорить о церемониальной, назидательной, космогонической, морализирующей составляющих устных женских рассказов о праздниках летнего цикла.

Через призму гендерного принципа устные женские нарративы Брестчины характеризуются наличием образов-тропов (метафор, эпитетов, сравнений, олицетворений). Есть и градация, повторы как признаки фольклора. Многие информанты демонстрируют ярко выраженное индивидуальное восприятие и интерпретацию фрагментов праздников летнего цикла, что свидетельствует о наличии у них творческого начала, способности образно мыслить, постигать и анализировать происходящее в горизонтальном (от праздников зимнего, весеннего циклов к летнему) и вертикальном контекстах (от традиций предков – к новым, формирующимся в настоящее время). Нельзя не отметить и присутствие различных видов дескрипций: дендрографии, хронографии, метаморфозы, соматопеи.

Интерес представляет разнообразная и богатая образная система, которую необходимо рассматривать с разных позиций и контекстов. По способу создания или типу

ассоциирования – это зрительные, звуковые, вкусовые, осязательные образы с явным преобладанием первых трех.

По предмету изображения эксплицитно выражены образы-вещи, образы-пейзажи, образы-персонажи; имплицитно, через подтекст – образы-эмоции, образы-чувства, образы-понятия.

Следует также отметить стилевую неоднородность, сочетание разных стилей даже в одной фразе устного женского нарратива.

«Этнопоэтическая константа» позволяет исследовать устные женские нарративы Брестчины о календарных обрядах летнего цикла системно и целостно, через призму общего и частного, коллективного и индивидуального, текста, подтекста, контекста, постичь основные характерологические черты фольклорных произведений: образы, художественные структуру, средства и приемы.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соколов, Ю. М. Русский фольклор / Ю. М. Соколов. – 3-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
2. Астахова, А. М. Русский былинный эпос на Севере / А. М. Астахова. – Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. – 396 с.
3. Гусев, В. Е. Русская народная художественная культура (Теоретические очерки) / В. Е. Гусев. – СПб., 1993. – 112 с.

#### REFERENCES

1. Sokolov, Yu. M. Russkii fol'klor / Yu. M. Sokolov. – 3-e izd. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. – 544 s.
2. Astakhova, A. M. Russkii bylinnyi ehpos na Severe / A. M. Astakhova. – Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Fin. SSR, 1948. – 396 s.
3. Gusev, V. Ye. Russkaya narodnaya khudozhestvennaya kul'tura (Teoreticheskie ocherki) / V. Ye Gusev. – SPb., 1993. – 112 s.

*Рукапіс надрукаваў у рэдакцыю 12.07.2025*